

Обмен мнениями по поводу статьи Е. Варшавера «Что именно исследуется, когда исследуется этничность? Дескриптивная модель для конструктивистских исследований этничности в контексте когнитивного поворота»

Екатерина Арутюнова

Кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель отдела этнической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН
Адрес: ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1, Москва, 109544 Российская Федерация
E-mail: 981504@mail.ru

Алексей Бессуднов

Dr. Phil., доцент факультета социальных и политических наук, Университет Эксетера, Великобритания
Адрес: Amory Building 341, Rennes Drive, Exeter EX4 4RJ UK
E-mail: a.bessudnov@exeter.ac.uk

Ольга Вендина

Кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории геополитических исследований Института географии РАН
Адрес: Старомонетный пер., д. 29, стр. 4, Москва, 119017 Российская Федерация
E-mail: o.vendina@gmail.com

Дмитрий Верховцев

Стажёр-исследователь Института этнологии и антропологии РАН
Адрес: Ленинский проспект, 32а, Москва, 119334 Российская Федерация
E-mail: DVerhovtcev@gmail.com

Михаил Каменских

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института гуманитарных исследований Уральского отделения РАН
Адрес: ул. Ленина, д. 13а, Пермь, 614001 Российская Федерация
E-mail: mkamenskih27@gmail.com

В тексте представлены мнения действующих исследователей этничности о статье Е. Варшавера. Отметив актуальность заявленной проблемы, авторы расходятся в оценках его инновационности. Из-за сложности самого феномена этничности они сомневаются в возможности простой и четкой схемы для его исследования, на что претендует автор. Среди прочих тем, которых коснулось обсуждение: возможность количественных исследований этничности в конструктивистской парадигме, природа когнитивного поворота в исследованиях этничности и др.

Ключевые слова: этничность, когнитивный поворот, конструктивизм, количественные исследования, Брубекер

Возможно ли все понять об этничности?

Екатерина Арутюнова

Эта статья для меня — текст не просто интересный, но и очень важный. Несколько лет назад при обсуждении в Институте социологии авторского проекта модели изучения этничности мне особенно запомнилась и показалась продуктивной и перспективной идея использования понятия «(этническая) категория» для обозначения того феномена, который называют и этнической группой/общностью, и национальностью, и нацией — в зависимости от дискурса. Такой терминологический переход, общий язык важен для исследователя-эмпирика конструктивистского толка, понимающего этничность как непрекращающийся процесс переосмысления себя и других, работающего в поле, где в представлениях людей этничность зачастую объективна, незыблема и эмоционально наполнена, взаимодействующего с государством со всеми его возможностями как актором в поле этничности и научными дискурсами с другими методологическими основаниями. Тем интереснее увидеть развитие и оформление предлагаемой автором модели.

Представление модели в контексте ее дескриптивной задачи видится вполне стройным и обоснованным — показаны и теоретические рамки, и эмпирические дизайны, причем не только потенциальные, но и уже осуществленные автором и его соратниками, сама конструкция этничности наглядна, операционализована, показан ход аналитического процесса и схема конструкции этничности для конкретного локального сообщества как результат. Модель можно использовать с различной эмпирикой, если понимать реальность в широком смысле как текст. Особенно отмечу использование метода «виньеток» как проективной методики — разворачивание ответов на вопросы типа «а что, если...» подсвечивает нюансы процесса категоризации, о которых информант до тех пор не думал, а исследователю все в копилочку. Модель, как справедливо отмечает автор, перспективна и для анализа идентичности как непрерывного процесса категоризации, и в других полях, не только при изучении этничности, и в ретроспективе. Иначе говоря, это добротная схема операционализации, которую можно дорабатывать и использовать шире.

При попытке разобраться в нюансах модели и чем она, в частности, в моей работе могла бы помочь, было любопытно следующее.

Как можно было бы ее соотнести с известной структурой идентичности как социально-психологической установки с ее тремя уровнями: когнитивным, эмоциональным и поведенческим (к которой в случае этнической идентичности Л. М. Дробижева добавляет еще и интересы)? По сути, пусть и без использования понятия идентичности, модель включает хорошую операционализацию когнитивного уровня, уровня коллективных авто- и гетеростереотипов, представлений о нормах, и это вполне ожидаемо с учетом объявленных теоретических рамок. В какой-то мере при исследовании этничности в музеях или формальных класси-

фикациях этничности можно проследить поведенческий уровень, своеобразное овеществление или институционализацию конструкций этничности, а куда встроить эмоции, если этот феномен переживания действительности психикой влияет на поведение, а в поле этничности и подавно? Можно ли считать, что изучения когнитивных в случае этничности, по сути, достаточно? Можно ли (развиваем фантазию) для прагматических целей поддержания мирного сосуществования людей с разными интересами (которые они часто определяют как неразрывно связанные с их верой, расой, этничностью) использовать данные нейронаук, управлять поведением и этим ограничиться? И вообще — где пределы влияния когнитивного поворота на исследования социальности?

Предполагается ли возможность использования модели в количественной стратегии исследования? Ответ на этот вопрос в статье есть — упомянута шкала Богардуса, но механизм не вполне понятен и навскидку не удастся его додумать.

Есть ли подводные камни адаптации, если она нужна, представленной модели для исследования политических идентичностей или национально-гражданской идентичности в моменте и исторически?

Как использование модели само влияет на конструирование этничности в процессе взаимодействия исследователя и поля?

Суммируя, однозначно можно сказать, что статья полезна — она побуждает задуматься о развитии теории тогда, когда многие ученые видят ее только как ритуальный атрибут своих текстов, утопая в публикационной обыденности. И напротив — она дает рабочую схему практического исследования процесса этничности, которую с ходу можно (в хорошем смысле и со ссылкой) присвоить и идти в поле в самые разные локальные контексты, попутно дорабатывая, поскольку если модель тоже текст, то она никогда не закончена.

Этнические границы и категории в количественных исследованиях

Алексей Бессуднов

В своей статье Евгений Варшавер описал современные представления об этничности, которые разделяют большинство социологов и антропологов, работающих в этой области. Эти представления сложились в основном под влиянием работ Роджерса Брубекера, а также более ранних исследователей этничности и национализма (Бенедикт Андерсон, Энтони Смит), работающих в традиции, которую, несколько упрощая дело, можно назвать конструктивистской. Ее характеризует отход от представления об этнических группах как общностях, принадлежность к которым однозначно определяет этническую идентичность людей, и более внимательный и критический подход к тому, как этничность функционирует в повседневной жизни. Отсюда смещение фокуса от этнических групп к этническим категориям, границам, различиям, социальным контекстам, в которых этничность становится более или менее важна.

Помимо обзора основных современных теорий этничности (которые включают также работы Андреаса Виммера и Канчан Чандры) Варшавер предлагает эмпирический дизайн, который может быть использован в качественных/этнографических исследованиях этничности, иллюстрируя его примерами из собственной полевой работы в Армении и Дагестане. В этом коротком отзыве я постараюсь оценить, в какой степени конструктивистский подход к этничности может применяться в количественных исследованиях, основанных на статистическом анализе данных.

Значительная часть таких исследований основана на данных опросов. В большинстве случаев исследователи не проводят их сами, а пользуются данными больших профессионально проведенных опросов. Например, в США такими являются General Social Survey (GSS) или Panel Study of Income Dynamics, в Великобритании — UK Household Longitudinal Study (UKHLS), в России — Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. В случае вторичного анализа данных исследователи вынуждены пользоваться теми этническими категориями, которые имеются в данных, а они чаще всего следуют официальным классификациям, используемым государственными статистическими ведомствами. В частности, в UKHLS (также известном как Understanding Society), одном из наиболее масштабных и известных британских опросов, использованы следующие категории: британец/англичанин/шотландец/валлиец/северный ирландец, ирландец, индеец, пакистанец, бангладешец, китаец, карибец (то есть выходец из стран Карибского бассейна), африканец, любой другой белый, белый и азиат, белый и черный африканец и т. д. Эти категории дублируют официальную классификацию британской Службы национальной статистики. Нетрудно заметить проблемы с этой классификацией. Если такие категории, как «шотландец» или «валлиец», соответствуют нашему традиционному представлению об этнической идентичности, то в гораздо меньшей степени это можно сказать о таких категориях, как «индеец», «африканец», не говоря уже о категории «любой другой белый». Социолог-конструктивист мог бы многое написать здесь о том, как государство навязывает свое представление об этнической идентичности людям через официально признанную систему классификаций (этническая дискриминация в Британии законодательно запрещена, и парадоксальным образом на вопрос об этничности приходится отвечать едва ли не в каждой анкете — чтобы собрать данные, необходимые для изучения представленности людей из разных этнических групп в разных областях общественной жизни). Однако для целей социальной политики эта классификация работает неплохо, отражая миграционную историю Великобритании за последние 70 лет, но на практике социолог-количественник вынужден работать с теми категориями, которые имеются в данных.

Чаще всего этническая принадлежность используется как один из предикторов в разного рода регрессионных моделях, предсказывающих, например, образовательные достижения или поведение на рынке труда. Этничность является категориальным признаком, и в большинстве случаев наиболее многочисленная кате-

гория (например, «белые британцы») выбирается в качестве референтной, а все остальные с ней сравниваются. Малочисленные категории чаще всего объединяются в категорию «Другие». Очевидно, что такой подход оставляет мало места для анализа в стиле Брубекера/Виммера.

В качестве иллюстрации рассмотрим, как этничность анализировалась в некоторых эмпирических количественных статьях, опубликованных в недавних выпусках *British Journal of Sociology* (флагманский журнал британской социологии) и *Journal of Ethnic and Migration Studies*, одного из основных журналов для исследователей этничности и миграций. В этом коротком отзыве я не претендую на систематический обзор, однако я постарался выбрать статьи, характеризующие доминирующий в дисциплине подход.

Возьмем, например, статью Каролины Цукотти и Люсинды Платт, посвященную классовым различиям в образовательных достижениях и положении на рынке труда детей иммигрантов в Великобритании (Zuccotti, Platt, 2023). Для статистического анализа они берут данные лонгитюдного исследования британской Службы национальной статистики, соединяющего выборки из данных переписей 1971, 1981, 1991, 2001 и 2011 годов или использованы следующие этнические категории: белые британцы (референтная группа) и меньшинства индийского, пакистанского, бангладешского и карибского происхождения. Выбор этих категорий обусловлен их наличием в данных, а также размером выборки для статистического анализа (даже в большой выборке лонгитюдного исследования ONS недостаточно случаев для других этнических категорий). В какой степени эти категории представляют «этнические группы»? Если выходцев из стран Карибского бассейна и Бангладеш объединяет общая миграционная история и часто место проживания (в обоих случаях это преимущественно Лондон), то едва ли это применимо к потомкам иммигрантов из Индии (делящихся на три мало пересекающиеся религиозные общности — индусов, сикхов и мусульман). Эти детали теряются в статистическом анализе (хотя в принципе их возможно использовать при наличии данных), не говоря уже о тезисе о том, что этничность может играть совершенно разную роль в жизни людей, в зависимости от их индивидуальных особенностей, социального окружения и жизненной траектории. Статистический анализ усредняет.

В качестве другого примера возьмем статью Йорга Доллмана, Ирены Коган и Маркуса Вайсмана, посвященную влиянию наличия иностранного акцента в немецком языке на трудовую траекторию молодежи этнического происхождения в Германии (Dollmann, Kogan, Weißmann, 2024). Анализ в статье выполнен на данных лонгитюдного исследования детей иммигрантов в четырех европейских странах (CILS4EU), специально задуманного для изучения мигрантов второго поколения и вопросов, связанных с этничностью. Для измерения акцента был использован специальный опросный инструмент; это интересный и новаторский подход в социальных исследованиях. Однако для анализа этничности/региона происхождения употреблялись обобщенные категории: Турция (референтная группа, в течение долгого времени — основной источник иммигрантов в Герма-

нии), Южная Европа, страны бывшей Югославии, страны бывшего СССР и Восточной Европы, страны Северной и Западной Европы, другие страны. Понятно, что в данном случае речь опять-таки идет о статистическом упрощении: едва ли у албанских и итальянских иммигрантов, помещенных в категорию «Южная Европа», много общего, за исключением средиземноморского происхождения. Индивидуальные траектории и особенности, а также социальные контексты, в которых этничность становится более или менее важна, в таком статистическом анализе неизбежно теряются.

В количественных исследованиях, посвященных России, картина та же. Наиболее известным и чаще всего используемым в академических исследованиях источником опросных данных является Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ ВШЭ. Вопрос об этничности в РМЭЗ является открытым («Кем вы себя считаете по национальности?»), и в документации к данным есть коды таких категорий, как «русский китаец» (178) или «коми — татарин» (183). На практике, однако, статистический анализ требует категорий с большим количеством наблюдений, поэтому малые категории по необходимости исключаются или перекодируются. Общероссийская выборка РМЭЗ не позволяет анализировать этнические категории, распространенные в отдельных регионах (например, в Дагестане, которого нет в выборке), а отсутствие блока вопросов, посвященных этнической идентичности и социальным контекстам этничности, допускает лишь самый обобщенный анализ на уровне крупных этнических категорий.

Возможна ли вообще в количественных исследованиях операционализация этничности в стиле Брубекера/Виммера? Это попытался сделать сам Виммер, не чуждый сотрудничества со статистически ориентированными социологами. Например, в статье, написанной совместно с Кевином Льюисом (Wimmer, Lewis, 2010), они используют сетевой анализ на данных Фейсбука¹ для исследования расовой гомофилии в дружеских сетях (то есть склонности белых дружить с белыми, а черных — с черными). ERGM-модели позволяют отделить эффект разных факторов, влияющих на структуру сети. Как показал анализ, высокий уровень расовой гомофилии объясняется не только (и не столько) тенденцией выбирать себе друзей по расовым признакам, но и гомофилией внутри этнических групп (принадлежащих к одной расе), гомофилией по социально-экономическому статусу и региону происхождения студентов, а также сетевыми эффектами (например, триадным замыканием — склонностью образовывать дружескую связь при наличии общих друзей).

В другой статье Виммер и Зоэль используют данные Европейского социального исследования (ESS) для анализа различных факторов, влияющих на ценностные различия между иммигрантами (и их детьми) и местным населением (Wimmer, Soehl, 2014). Они выделяют 305 разных групп иммигрантов, в основном ориенти-

1. Деятельность запрещена в России.

руясь на страну происхождения. Однако в эмпирическом анализе эта детальная классификация практически не применяется, и основное сравнение идет по линии «обобщенные мигранты — местное население». Главный вывод статьи в том, что юридические препятствия ассимиляции и дискриминация увеличивают культурную дистанцию, причем этот эффект наблюдается не только для самих мигрантов, но и для их детей. Этот аргумент находится в русле общей теории этнических границ, предложенной Виммером, согласно которой этнические границы не являются жесткими и фиксированными, а могут меняться в зависимости от социального контекста (примером которого являются дискриминационные практики).

В целом хотя эти и похожие статьи, несомненно, соотносятся с теоретическими аргументами, выдвинутыми Виммером, возникает ощущение, что возможности исследовательских дизайнов, которыми он пользуется, не позволяют полноценно эмпирически протестировать теорию. Существенно огрубляя, можно сказать, что выводы эмпирических исследований сводятся либо к тому, что этничность, возможно, не так важна для жизненных возможностей людей, как часто считается (после статистического контроля ряда коррелирующих с этничностью признаков), либо к исследованию культурных/этнических границ на макроуровне (другим известным примером работы такого рода является статья Кристофера Бэйла (Bail, 2008)).

Возможно, причиной относительной неадекватности количественных дизайнов для исследований этничности в ее конструктивистском понимании является ориентация на вторичный анализ данных, в основном опросных. Представляется, что экспериментальный подход, который часто используется в исследованиях идентичности в социальной психологии, может быть более полезен. В частности, перспективным дизайном кажутся онлайн-эксперименты с «виньетками», в которых могут замеряться представления респондентов об этнических границах в зависимости от заданных «виньетками» обстоятельств — в том же русле, в каком Варшавер использовал «виньетки» для исследования народных социологий этничности в Дагестане. Он делал это в рамках качественных интервью, но тот же метод вполне может быть применим и в количественных исследованиях.

Найден ли выход из когнитивных лабиринтов в исследованиях этничности?

Ольга Вендина

«Что именно исследуется, когда исследуется этничность?» — задается одновременно лукавым и двусмысленным вопросом Е. А. Варшавер. Лукавым, потому что такой опытный и эрудированный исследователь, как Евгений Александрович, не может не понимать, что получить на него однозначный ответ вряд ли возможно, и двусмысленным, поскольку, адресуя свой вопрос тем, кто стремится прийти «до самой сути», автор декларирует намерение дать конкретную программу эмпи-

рических исследований тем, кто не очень понимает, о чем идет речь, когда исследуется этничность. Как-то не очень верится, что, получив в качестве алгоритма исследований реляционную дескриптивную модель, опирающуюся на конструктивистскую парадигму и когнитивные подходы, подобного рода исследователи (коих, к сожалению, немало) сумеют ею воспользоваться. Да и дальнейшее описание предлагаемой Варшавером дескриптивной модели требует от предполагаемых пользователей известной степени изощренности, тонкости интерпретаций и хотя бы поверхностного знания основ социальной психологии и достижений когнитивных наук. Думается, что ее ценность состоит скорее не в схематизации (упрощении) методического инструментария, позволяющего без глубокого проникновения в суть проблемы получать адекватные результаты (вроде успешной езды на автомобиле без понимания его устройства), а как раз наоборот, в соответствии уровня ее сложности — сложности устройства современного социума.

Развивая тезис Р. Брубекера о необходимости обращать внимание на категории и фреймы, вокруг которых организовано социальное объяснение и социальное действие, Варшавер доводит его до уровня эмпирических исследований, что, с моей точки зрения, составляет главную ценность предлагаемой модели и определяет ее теоретическое значение. Если я верно понимаю, то подчеркивание дескриптивного характера модели и важности когнитивного контекста означает, что этничность опосредуется словом и является производной от языкового (ментального) описания-объяснения событий, переживаемого опыта и визуальных наблюдений. Формулируя свою позицию, автор пишет, что «Люди верят в то, что индивиды дифференцируются определенным образом, фактически во всякий момент времени заново осуществляя дифференциацию, наделяют эту дифференциацию и дифференцирующие категории смыслом и действуют исходя из этого, на следующем шаге «перепроизводя» общественные структуры, связанные с этничностью».

Этничность в этом смысле выступает как способ категоризации новых явлений (феноменов) с помощью привычных и усвоенных терминов, содержание которых меняется под воздействием сдвигов в восприятии и переработке информации. Такая постановка вопроса достаточно нова для российской социологии и антропологии. Оригинальность предлагаемой исследовательской модели (или программы, как в другом месте пишет автор), с моей точки зрения, состоит в следующем.

Во-первых, автор, оставаясь сторонником конструктивистских подходов, отказывается от стигматизации каких бы то ни было иных взглядов на этничность как ошибочных, несовременных и пр., предпринимая попытку извлечь из них рациональное зерно, сохраняющее свою ценность для решения исследовательских задач. Ну, например, статистический учет населения и проведение разного рода политик, связанных с культурной неоднородностью социума, вряд ли возможно без порицаемого «группизма», так же как маловероятно изучение связанных с этничностью процессов без реификации участвующих в них индивидов или сообществ. В некотором смысле реабилитируется и примордиализм. Ссылаясь на авторитет К.

Гирца, который ввел этот термин в научный оборот, Варшавер отмечает исследовательскую легитимность примордиальных идентичностей как указания на устойчивость представлений об этнической принадлежности, впитанных «с молоком матери» и в ходе социализации, а не на их врожденность или изначальную заданность.

Во-вторых, предпринимается попытка интегрировать знания, накопленные в социологии, социальной психологии, антропологии и когнитивной лингвистике в единую исследовательскую модель. Помню, что еще относительно недавно Л. М. Дробижева сожалела, что работы Г. Оллпорта, Т. Петтигрю, Г. Таджфела, Э. Хатчинса, А. Гелла и других представителей школы социальной психологии и культурной антропологии малоизвестны российским социологам и рассматриваются как маргинальная ветвь этнических исследований. Однако Варшавера упрекнуть в этом нельзя. Заслуживает внимания и упоминание акторно-сетевой теории (ANT) как сопутствующего методологического инструментария предлагаемой исследовательской программы. С позиции данной теории, этничность является результатом сопряженного функционирования множества сложносоставных ансамблей, включающих материальные и нематериальные сущности — людей, вещи, институты, природу, дискурсы, эмоции, стереотипы, классификации и пр. И хотя в эмпирической части статьи автор скорее сосредотачивается на нематериальной — языковой и визуальной сторонах производства и восприятия этничности, он не упускает из поля зрения и значение этнокультурного антуража — своего рода реляционной «инфраструктуры», представленной музеями, фестивалями, праздниками и пр.

В-третьих, и мне это особенно близко, автор вводит в свою модель понятие «контекста» как условия, необходимого для прояснения смысла этничности и способов ее обоснования, включая в контекст не только параметры конкретной ситуации, но и персональные схемы осмысления действительности — рефлексию. По крайней мере, я так понимаю утверждение автора, что «конструкции этничности могут различаться не только от контекста к контексту, но и в рамках одного контекста — от сообщества к сообществу и от человека к человеку». Этот прием (хотя бы на концептуальном уровне) позволяет разрешить «классический», по его словам, для этнических исследований вопрос о «ситуативности» этничности. Он подчеркивает, что ситуативна не этничность, как об этом нередко пишут, а контекст, определяющий ассоциативное наполнение этничности, и эта мысль, как мне кажется, важна для понимания его модели. Однако если этничность оказывается рефлексивной, то вполне правомерно ее рассматривать как интерпретацию самого себя и других, подчиняющуюся законам повествования. Фактически через посредство нарративов, выстроенных вокруг бытовых анекдотов и отдельных, иногда малозначимых жизненных деталей, вроде прически или акцента, жадности или щедрости, вкусов и привычек, появляется возможность определять сходство через различия и различия через сходства, обнаруживать разнообразие проявлений этничности, бесконечно варьирующей между тождественностью и инаковостью.

Будь я на месте Варшавера, то ввела бы в предлагаемую дескриптивную модель дополнительное нарративное измерение, связующее внутреннюю этническую категоризацию (оценки), внешнюю дифференциацию и разнообразные контексты (глобальные, локальные, исторические, семейные, биографические, экономические, репутационные и пр.), но это, конечно, остается на его усмотрение. Подчеркну, в такой конструкции, как и в дескриптивной модели автора, нет ничего простого, прежде всего потому, что она предполагает незавершенность и неполноту человеческой личности, иначе незачем рефлексировать. Логично предположить, что следствием отсутствия завершенности становится неопределенность объекта изучения, влекущая за собой *«перманентный кризис в исследованиях этничности»* — констатация, с которой Варшавер начинает свою статью, и недостаток, который он стремится преодолеть при помощи своей *«концептуально ненагруженной», «полевой» и «прозрачной»* исследовательской модели. Я не разделяю этого оптимизма и полагаю, что заявка автора на универсальность модели и ее способность служить *«связующим звеном между теоретическим осмыслением феномена этничности и разно-дисциплинарными эмпирическими дизайнами»*, выглядит чрезмерно амбициозно. Тем не менее продвигаемый им междисциплинарный подход является инновационным, многообещающим, эвристичным и, несомненно, вносит важный вклад в решение фундаментальной научной проблемы, связанной с установлением природы и характера этничности, каналов ее трансляции.

В эмпирической части статьи, и это важно особо отметить, автор стремится показать адаптивность предложенной им модели к меняющимся условиям полевых исследований и разнообразию применяемых методов. Это очень интересный раздел как с точки зрения постановки исследовательских задач, так и полученных результатов. К сожалению, ограниченный объем статьи не позволяет составить полное представление о проведенных экспериментах, их чистоте и соответствии концептуальным установкам. Тем не менее достаточно ясно проявляется желание автора сконцентрировать свое и читательское внимание на коллективных представлениях (типах, стереотипах, характеристиках и атрибутах) и категориях, отражающих и организующих социальные отношения — спонтанные и институционализованные. Этничность в этой системе координат — форма и способ дифференциации социума. Собственно эмпирический раздел текста ориентирован на описание инструментария, позволяющего выявлять механизмы производства этничности, и именно в этом разделе становится понятно, что предлагаемая модель еще далека от *«четкости и прозрачности»*. Да, и сам Варшавер делает оговорку о незавершенности своей работы над исследовательским фреймом. Попробуем, несмотря на неполноту эмпирического материала, декодировать приведенные примеры, держа в голове задумку автора.

Первый пример — это исследование в армянском селе на берегу озера Севан, в ходе которого использовалась привычная этнографическая методика интервьюирования. Лично для меня важно, что она наглядно продемонстрировала нарративную природу конструирования этничности. Фактически через посред-

ство нарратива (автор использует слова истории и анекдоты) информант обретал возможность заявить о себе как о личности и возлагал на себя качества, которые приписывались или могли быть приписаны таким же, как он, людям, т. е. лицам, с которыми он себя идентифицирует. Та же процедура, но уже через противопоставление, осуществлялась и в отношении «других». Наиболее развернуто описан пример армян, которые выстраивали следующие смысловые цепочки: «армянин/язык/древность/земля/происхождение/особость», в противовес: «курд/фамилия/женщины-распутны/мужчины-неискренни/дела лучше не иметь», ну и пр. Иначе говоря, мы имеем дело с компенсаторно-охранительной методой конструирования этничности, веками воспроизводимой в сельской местности и предполагающей в том числе избегание негативных коннотаций в отношении иноэтничных соседей.

Пример Дагестана отражает ситуацию перекодирования этнических категорий под воздействием изменений образа жизни и сдвигов в восприятии. Варшавер относит это исследование к «народной социологии», но, на мой взгляд, оно ближе к проективным методикам социальной психологии, которые позволяют выявлять ценностные ориентиры и мотивы поведения людей через моделирование поведения в воображаемых ситуациях. Этот эксперимент показал, насколько усложняется этническая категоризация и самоидентификация по мере роста числа оснований социальной дифференциации. Фактически в условиях городской жизни и гибридизации всего и вся возникает эффект «множественных реальностей», затрудняющий какие бы то ни было классификации и размывающий самые стройные исследовательские концепции. Сущности умножаются, а результат растворяется в ситуативном контексте. Возникает неприятное подозрение, что модель исследования этничности через коллективные представления плохо работает в городских условиях.

Еще один пример спонтанной этнической категоризации дает использование методики элицитации, пришедшей в антропологию из лингвистики и предполагающей перевод информантом на «свой» язык вербальной и/или невербальной (фото, видео) информации, предлагаемой интервьюером. По идее, данный метод должен минимизировать давление интервьюера на информанта, оставляя ему свободу ретрансляции своего восприятия и понимания считываемой картинки (текста), но судя по описанию эксперимента, достичь желаемого результата удалось не в полной мере, более того, этот результат оказался сложен для интерпретации, сводясь скорее к называнию, а не объяснению. Иными словами, наличие этнической категоризации было с помощью данной методики выявлено, но механизмы конструирования этничности остались «за кадром». Допускаю, что это впечатление неверно и является следствием ограниченности объема статьи, вынуждающего автора жертвовать пояснениями и деталями.

Два других примера связаны с музеями и мигрантами и имеют отношение скорее к символической политике и социокультурному контексту формирования коллективных представлений об этничности, нежели к конструкции этничности

как таковой. В данном случае хорошо показано, каким образом работает вещно-смысловой ряд, ориентированный на выработку режима «своей» правды — избирательную репрезентацию истории и культуры, подчеркивание инаковости (отличительности), включения, исключения, определение жертв, героев и в конечном счете фиксацию категории «своих» — от этноса до нации.

В целом статья Варшавера дает обильную пищу для размышлений и в очередной раз заставляет задуматься над тем, что и как мы воображаем, когда речь заходит об этничности, какие ситуации заставляют работать наше воображение и какой тип коллективных представлений (характеристик, атрибутов, знаний) актуализируется при этом, какие каналы восприятия и ретрансляции оказываются наиболее чувствительными к происходящим изменениям и каким инструментарием мы располагаем, чтобы их отслеживать и анализировать. Наконец, какие следствия влекут за собой продвигаемые нами категории и схемы осмысления действительности. Без более глубокого погружения в область когнитивных наук ответить на эти вопросы вряд ли возможно.

За пределами когнитивности

Дмитрий Верховцев

Прежде всего, хочется приветствовать выход статьи, где формулируются новые теоретические конструкции, касающиеся такого чувствительного для РФ исследовательского поля, как «этничность». В этом приветствии акцент на регионе исследования связан прежде всего не с традиционным когда-то делением на «отечественную» и «зарубежную» историографии, где отдельно отсчитывались приоритеты и заслуги, а с уникальностью постсоветской ситуации в гуманитарных и социальных науках, где этничность остается важным фокусом интереса, применяется как важная исследовательская рамка, является метаязыком взаимодействия науки и органов власти, но в то же время редко рассматривается с точки зрения актуальности концептуального и методологического аппарата по ее изучению.

Постсоветское общество и сейчас еще остается под родовым влиянием советской эпохи, когда административная «национальность» была важнейшей категорией социального структурирования как на государственном, так и на бытовом уровне, а целая дисциплина, этнография, объявляла своим главным предметом изучения «этнос». Хотя постсоветский период истории начался с решительных шагов по демонтажу этого влияния, когда была отменена графа «национальность» в государственных паспортах, а «советская теория этноса» подверглась критике со стороны нового руководителя Института этнологии В. А. Тишкова, этноцентричная оптика продолжает фигурировать в довольно большом количестве русскоязычных публикаций (Верховцев, 2022: 84). При этом, несмотря на фиксируемый большой спрос на методологию исследования этничности, оказывается, что в этой области парадоксальным образом имеется дефицит предложения: упомянутый массив работ об «эт-

носе» продолжает оставаться в рамках советских этнических парадигм, и авторы ссылаются на концепции этничности, созданные в советское время, — теории Ю. В. Бромлея и Л. Н. Гумилёва (Там же: 86). Достаточно много причин, по которым при повышенном постсоветском «этническом интересе» крайне слабо происходит рецепция иных дискурсов этничности, широко дискутируемых в мировой науке; это и инерция научной системы, и все еще высокая автономия русскоязычного кластера исследований. Предпринятая Е. А. Варшавером попытка формулирования на современных научных основаниях модели этничности, и что еще важнее — описание способов ее приложения к прикладной полевой работе, очевидно, давно ожидаемый текст, способный не только сделать вклад в исследования этничности как таковые, но и включить в это поле пока еще сильно автономизированный массив российских исследователей, следующих в кильватере давно окаменевших теорий.

Отмечу, что уже сейчас сформулированная дескриптивная модель изучения этничности вполне самодостаточна и может быть использована в прикладных исследованиях. Ее важной инновацией, особенно полезной в поле, является в том числе концепция «народной социологии этничности», позволяющей скорректировать полученные данные исходя из собственных онтологий информантов. Однако, как любое широкое обобщение, модель содержит ряд редуций. Оставшиеся вне оптики Варшавера факторы, как мне кажется, важны для понимания этнического феномена не меньше включенных в модель элементов, и могут рассматриваться как потенциал для ее развития в будущем.

Сперва хотелось бы сказать о недостаточном внимании к различению внешних этнических категоризаций и самоидентификации человека с какой-либо этнической категорией. В «модели» акцент делается на внешние категоризации и «коллективные представления», которые интериоризируются и становятся «категорией идентификации». Однако важным фактором этого процесса является его историзм, то есть наслаивание различных слоев интериоризации внешних представлений у отдельных людей и сообществ, что может накапливать целый набор идентификаций, неактуальных для современного социального контекста, и даже вступающего с ним в конфликт. Легко можно найти такие примеры в истории, когда внешняя категоризация не совпадает с самоидентификацией, что породило разделение этнонимов в советской науке на «эндоэтнонимы» и «экзоэтнонимы». Это разделение гораздо примитивнее реальной картины, когда «эндоэтноним» оказывается относительно недавно интериоризированным «экзоэтнонимом» и т. д. Отчасти достаточная степень относительности в данном вопросе вносится разделом «Интериоризация и идентификация, ситуативность и релевантность», однако ключевой все-таки остается позиция, что самоидентификация всегда интериоризирует актуальный социальный контекст, тогда как в действительности идентичность может быть следствием интериоризаций ситуаций прошлого, порой случившихся поколения назад.

Рассмотрение этничности как постоянной категоризации — продуктивный ход, однако содержащий ее редуцию до чисто когнитивного явления. Категоризация, отнесение себя и других к какой-либо категории, это лишь наиболее слабое

проявление этничности по своим последствиям, тогда как максимальное внимание этнический вопрос приковывает прежде всего благодаря своим более эффективным проявлением, таким как этническая солидарность, этническая мобилизация и этнические конфликты. Категоризация как когнитивный процесс маркирует лишь множество линий, разделяющих социальную реальность, и лишь некоторые из них когда-нибудь могут стать границами изменений и действий. Дон Хэндельман рассматривал этническую категорию как самую слабую степень этнического сближения, предшествующую сети, ассоциации и сообществу; по его определению, хотя люди могут относить себя или других к этой категории, это порой не имеет никаких последствий. Хэндельман подчеркивает это цитатой из А. Коэна: «Социологически имеет значение то, как люди действительно поступают, а не то, что они думают, или то, что они думают они думают» (Handelman, 1977: 191). На то, что степень близости может быть различной, указывал и Р. Брубейкер, выделяя «кате­го­рию» как нечто обладающее общим свойством, «сеть» как наличие отношений между членами и «групповость», связанную с «отчетливо воображенной и сильно чувствуемой общностью» (Брубейкер, 2012: 101).

Собственно, аффективность, о которой пишет Брубейкер и которая проявляется в наивысшей точке сближения людей — группе, — другой важный фактор, который редуцируется при исключительно когнитивном рассмотрении этничности. Э. Смит, критикуя различные концепции нации (связываемые им с понятием модернизма), указывал, что почти все авторы упускают из рассмотрения те сильные чувства, «особые страсть и неистовство», которые зачастую вызывает нация у своих членов; эти чувства могут вдохновлять на самые радикальные действия, вплоть до самопожертвования (Смит, 2004: 261). Брубейкер, рассматривая, какими терминами должна быть заменена утратившая конкретное значение «идентичность», считает, что «самопонимание никогда не является чисто когнитивным; оно всегда аффективно окрашено или заряжено, и соответствующий термин, безусловно, может вмещать это аффективное измерение. И все-таки эмоциональная динамика действительно лучше схватывается термином “идентификация” (в его психодинамическом смысле)» (Брубейкер, 2012: 97).

Все это, иерархию степеней этнического сближения и связанную с ней нарастающую силу солидарных чувств, можно учесть для более тонкой работы в прикладных исследованиях.

Еще одна ремарка, которую следует сделать относительно представленной Варшаверам дескриптивной модели этничности, пожалуй, станет лишь поводом к дальнейшему размышлению, так как вопрос в настоящее время не имеет еще ясного решения. Рабочее определение этничности, как «постоянно осуществляемые категоризации и классификации людей, результаты которых существуют и воспроизводятся в форме коллективных представлений... организующих социальные отношения», исходит из того, что все категоризации людей, организующие социальные отношения, являются этническими. Проблема состоит в том, что даже в «этносо­ориентированных» коллективных представлениях постсоветского пространства,

этнические категории — не единственные, организующие социальные отношения, и даже не всегда определяющие. Как отделить этнические категории от других, и есть ли необходимость в такой дифференциации? Предполагая, что «коллективные представления об этничности, распространенные на территории современной Москвы 1000 лет назад и, вероятно, включавшие в себя племенные категории», автор может и не угадать, ведь, как указывал С. В. Соколовский, в прошлом «локальные, сословные, потестарные и конфессиональные идентичности играли куда более важную роль, чем, например, языковые», и тогда будут ли представления о различиях, основанные на одном из перечисленных критериев «представлениями об этничности» (Соколовский, 2012: 82), — вопрос, на который не так легко ответить.

Этничность конструируемая и этничность неосознаваемая

Михаил Каменских

Статья Евгения Варшавера представляет собой попытку предложить собственный подход для описания феномена этничности. В ней он не придумывает что-то свое локальное, а предлагает теоретические построения с опорой на имеющийся современный зарубежный опыт. Статья не лишена дискуссионных положений и имеет ряд слабых мест, но в их обсуждении состоит суть и принцип научной дискуссии.

В своей публикации Варшавер представляет дескриптивную теоретико-методологическую модель, созданную на основании современных конструктивистских подходов и вписанную в совершившийся в гуманитарных науках «когнитивный поворот». Концепция ближе всего к взглядам Р. Брубекера, на которого автор активно ссылается, но при этом он предлагает собственный взгляд и более детальную схему для проведения полевых исследований, не выходя за рамки конструктивистской парадигмы. Стоит признать, что автор несколько самоуверенно призывает создать «твердую основу» для изучения этничности и «решение» вопроса для ученых, занимающихся полевыми исследованиями, если у тех есть проблемы с пониманием этничности. Нельзя отрицать, что сегодня определение сути этничности и подходов к ее изучению является одной из наиболее сложных точек в современной антропологии. Но можно ли утверждать, что эта проблема волнует сообщество отечественных ученых, ведущих полевые исследования? И в своей работе задаются ли они вопросом, а что же все-таки изучают? Скорее всего, этот вопрос волнует автора, опирающегося на свой опыт. При этом он признает по умолчанию победу конструктивистской парадигмы, а не разделяющих этот тезис называет «неконструктивистами», которые продолжают существовать на «научной периферии». Возможно, с такой оценкой не согласятся многие из тех, кому адресован этот текст.

Сама схема представляется доказательной и вполне логичной. Видно, что автор долго работал над ней. Следуя конструктивистской парадигме, теория Варшавера предлагает спустить изучение этничности до индивидуальных восприятий и отказаться от штампов, которые можно было бы распространять на группы. Этнич-

ность конструируется в сознании. Но как можно прокомментировать ситуации, когда культура существует объективно, не осознается индивидом, но фиксируется исследователем. Например, изучая диалекты и речевые особенности в определенной местности, мы не можем не признать, что у каждого человека есть собственные индивидуальные черты в говорении. Но рождение в определенной местности все равно накладывает на него и особенности диалекта, так что ученые изучают уже особенности говорения на территории как некий феномен. Хотя эти речевые особенности не осознаются индивидом. То же можно сказать и о материальной культуре. Позволяет ли теоретический потенциал теории описывать неосознаваемые индивидуально особенности отдельных сообществ и групп?

Сложно не согласиться с автором, что помимо доработок важно начать осуществлять и дальнейшие шаги, состоящие в том, чтобы эта — созданная — этническая переменная была вписана в объяснительные модели. Безусловным плюсом работы являются рекомендации по изучению феномена этничности при проведении интервью, работе в музеях, с мигрантскими сообществами.

При всей логичности теоретических построений Варшавер должен понимать и механизм инкорпорации теории в проводимые полевые исследования. Не совсем понятно, ограничивается ли его подход только изучением представлений респондента о собственной этничности и происхождении, или ее можно применять шире, для изучения всех спектров этнической культуры или проявлений этничности в культуре. Не возникнет ли ситуация, когда «полевик» будет изучать этничность «по Варшаверу», а остальные элементы культуры по традиционной схеме. Вероятней всего, ему проще будет все изучать по традиционной схеме. В этом, на наш взгляд, кроется главный недостаток предложенной модели. Представляется так, что каждая теоретическая модель должна быть проста и универсальна. Предложенная схема имеет универсальный характер, однако не лишена некой терминологической перегруженности, включающей понятия «категории» и «атрибуты», которые, в свою очередь, делятся на уровни 1 порядка и 2 порядка. При этом кажется, что разница между атрибутами и категориями не всегда качественно ясна. И будет ли такая схема проще в описании, не совсем понятно.

Тем не менее представляется, что предметное обсуждение и инкорпорация теории возможны, когда в сообществе отечественных этнологов будет достигнут полный консенсус относительно этничности как явления и этноса как объекта исследования.

* * *

Евгений Варшавер

Автор выражает глубокую признательность участникам дискуссии за представленные мнения, а журналу — за возможность ее проведения на своих страницах. В целом отзывы носят доброжелательный и позитивный характер. Некоторые из них, однако, объединены недоверием к общей формулировке целей исследо-

вательской программы, а кроме того — каждый содержит ряд вопросов, которые представляется важным обсудить для того, чтобы четче описать авторскую позицию. Развернутый ответ автора можно прочесть по следующей ссылке <http://merc-center.ru/varshaver-reply>

Литература

- Брубейкер Р., Купер Ф.* (2012). За пределами идентичности // Этничность без групп. М.: НИУ ВШЭ.
- Верховцев Д. В.* (2022). Этнос post-mortem: советские теории этноса в современном русскоязычном дискурсе // Этнографическое обозрение. № 6.
- Смит Э.* (2004). Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: ПраксиС.
- Соколовский С. В.* (2012). Современный этногенез или политика идентичности? Об идеологии натурализации в современных социальных науках // Этнографическое обозрение. № 2.
- Bail Ch. A.* (2008). The Configuration of Symbolic Boundaries against Immigrants in Europe // *American Sociological Review*. Vol. 73(1). P. 37–59.
- Dollmann J., Kogan I., Weißmann M.* (2024). When Your Accent Betrays You: The Role of Foreign Accents in School-to-Work Transition of Ethnic Minority Youth in Germany // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 50(12). P. 2943–2986.
- Handelman D.* (1977). The Organization of Ethnicity // *Ethnic Groups*. Vol. 1(3).
- Wimmer A., Lewis K.* (2010). Beyond and Below Racial Homophily: ERG Models of a Friendship Network Documented on Facebook // *American Journal of Sociology*. Vol. 116(2). P. 583–642.
- Wimmer A., Soehl T.* (2014). Blocked Acculturation: Cultural Heterodoxy among Europe's Immigrants // *American Journal of Sociology*. Vol. 120(1). P. 146–186.
- Zuccotti C. V., Platt L.* (2023). The Paradoxical Role of Social Class Background in the Educational and Labour Market Outcomes of the Children of Immigrants in the UK // *British Journal of Sociology*. Vol. 74 (4). P. 1–22.

Exchange of Views on the Article “What Exactly is Studied When Ethnicity is Researched? A Descriptive Model for Constructivist Studies of Ethnicity in the Context of the Cognitive Turn” by E.Varshaver

Ekaterina Arutyunova

Candidate of Sociological Sciences, Lead Researcher, Head of the Department of Ethnic Sociology, Institute of Sociology, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

Address: Bolshaya Andronyevskaya str., 5, building 1, Moscow, 109544 Russian Federation

E-mail: 981504@mail.ru

Alexey Bessudnov

DPhil, Associate Professor, Department of Social and Political Science, University of Exeter, UK
 Address: Amory Building 341, Rennes Drive, Exeter EX4 4RJ UK
 E-mail: a.bessudnov@exeter.ac.uk

Olga Vendina

PhD in Geographical Sciences, Lead Researcher, Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography,
 Russian Academy of Sciences
 Address: Staromonetny Pereulok, 29, building 4, Moscow, 119017 Russian Federation
 E-mail: o.vendina@gmail.com

Dmitry Verkhovtsev

Research Intern, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences
 Address: Leninsky Prospekt, 32a, Moscow, 119334 Russian Federation
 E-mail: dverhovtcev@gmail.com E-mail: DVerhovtcev@gmail.com

Mikhail Kamenskikh

Candidate of Historical Sciences, Lead Researcher, Institute of Humanitarian Research, Ural Branch of the
 Russian Academy of Sciences
 Address: Lenin St., 13a, Perm, 614001 Russian Federation,
 E-mail: mkamenskih27@gmail.com

The text presents the opinions of current ethnicity researchers regarding the article by Evgeni Varshaver. While agreeing that the text itself is interesting, the authors, firstly, disagree on its innovativeness, and secondly, in light of the complexity of the phenomenon of ethnicity itself, doubt the possibility of a simple and clear scheme for its study, as Varshaver claims. Among other topics that were discussed: the possibility of quantitative studies of ethnicity in the constructivist paradigm, the nature of the cognitive turn in ethnicity research, etc.

Keywords: Ethnicity, cognitive turn, constructivism, quantitative studies, Brubaker

References

- Bail Ch. A. (2008) The Configuration of Symbolic Boundaries against Immigrants in Europe'. *American Sociological Review*, vol. 73, no 1, pp. 37–59.
- Brubaker R., Cooper F. (2012) *Za predelami identichnosti* [Beyond "identity"]. *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without Groups], Moscow: HSE.
- Dollmann J., Kogan I., Weißmann M. (2024) When Your Accent Betrays You: The Role of Foreign Accents in School-to-Work Transition of Ethnic Minority Youth in Germany'. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 50, no 12, pp. 2943–2986.
- Handelman D. (1977) The Organization of Ethnicity. *Ethnic Groups*, vol. 1, no 3.
- Smit E. (2004) *Natsionalizm i modernizm. Kriticheskii obzor sovremennykh teorii natsii i natsionalizma* [Nationalism and modernism: a critical survey of recent theories of nations and nationalism], Moscow: Praxis.
- Sokolovskii S.V. (2012) *Sovremennyi etnogenez ili politika identichnosti? Ob ideologii naturalizatsii v sovremennykh sotsial'nykh naukakh* [Modern ethnogenesis or identity politics? On the ideology of naturalization in contemporary social sciences]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no 2.
- Verkhovtsev D.V. (2022) *Etnos post-mortem: sovetskie teorii etnosa v sovremennom russkoiazychnom diskurse* [Ethnos post-mortem: soviet theories of ethnos in present day russian-language discourses]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no 6.

- Wimmer A., Lewis K. (2010) Beyond and Below Racial Homophily: ERG Models of a Friendship Network Documented on Facebook. *American Journal of Sociology*, vol. 116, no 2, pp. 583–642.
- Wimmer A., Soehl T. (2014) Blocked Acculturation: Cultural Heterodoxy among Europe's Immigrants. *American Journal of Sociology*, vol. 120, no 1, pp.146–86.
- Zuccotti C.V., Platt L. (2023) The Paradoxical Role of Social Class Background in the Educational and Labour Market Outcomes of the Children of Immigrants in the UK! *British Journal of Sociology*, vol. 74, no 4, pp.1-22.